

Глава 24. Схватка

Четвертый день Собрания Сотни Купцов ознаменовался переменами: свободный рынок перенесли за стены Чаояни, и в самом городе наконец воцарился относительный порядок. Толпы иноземных гостей никуда не исчезли, но былого столпотворения на улицах поубавилось.

Наступило время по-настоящему крупных сделок. Именитые негоданты и представители правящих династий вели переговоры в уединении ресторанов и частных поместий. Зерно и масло, шелка и пряности, драгоценные камни, лекарства, шедевры живописи и фарфора — в эти дни в Чаояни решалось, чем будет торговать мир в ближайшие месяцы, а то и годы.

Верными помощниками Цинь Фэна неизменно оставались его «Звездные Сияния», среди которых Чэньша выделялся особо. Несмотря на то, что он был самым юным среди участников встреч, его манеры и рассудительность совершенно не вязались с возрастом шестнадцатилетнего юноши. Многие крупные дельцы, заметив талант юноши, намекали Цинь Фэну на готовность выкупить помощника за баснословные суммы. Однако Глава союза оставался непреклонен, и чем упорнее он защищал своего протеже, тем выше взлетала цена за него в глазах окружающих.

Вскоре купцы с изумлением осознали: самые знатные гости четырех великих держав — вольно или невольно — взяли Чэньша под свое покровительство. О Цинь Фэне и говорить не стоило: никто не мог предложить ему цену, способную хоть на миг поколебать его волю. Когда кто-то попытался предложить в обмен на юношу россыпь заморских красавиц, император Фэн Ян удостоил наглеца столь ледяным взглядом, что тот почувствовал себя так, будто его окунули в прорубь на Крайнем Севере. Стоило другому заикнуться о редчайших сокровищах, как пренебрежительный взгляд Ванье Хуайюя заставил беднягу усомниться, не черепки ли он предлагает вместо золота. А когда любитель искусства выставил на торги полотно великого мастера, Лу Юйчэнь, действующий как посланник Сяогуана, небрежно продемонстрировал такой шедевр, что предложенная картина на его фоне показалась чистым листом бумаги.

Объединенная защита высших чинов четырех стран без слов объявила всему миру: этот человек — не для продажи. Сам Чэньша лишь досадовал: чем громче гремела его слава, тем призрачнее становились мечты о спокойном будущем. Пока он оставался в поле зрения сильных мира сего, тихая жизнь ему не грозила.

На седьмой день, когда основные контракты были подписаны, Цинь Фэн по давней традиции устроил грандиозное представление с музыкой и акробатами, чтобы гости могли отдохнуть от изматывающих дел.

Радужный хозяин, император Цанъянь Дуань Чэнье, предоставил для праздника дворцовую площадь. Знатные гости расположились за столами перед подмостками, наслаждаясь ароматным чаем, мастерством акробатов и местной оперой.

В центре, прямо напротив сцены, восседал сам император Дуань Чэнье. Рядом с ним находились Фэн Ян, Лу Юйчэнь, Цзян Хуайюй и Цинь Фэн. Чэньша тоже присутствовал, но, не

имея титула, сидел в среднем ряду. Справа и чуть впереди него расположился Шэнь Пяньхун со своим слугой Люком.

Действо на сцене захватывало дух, но мысли Чэньша были далеки от искусства. Он знал, что сегодня готовится покушение: накануне и Цинь Фэн, и Лу Юйчэнь предупредили его, чтобы он постарался покинуть первые ряды до начала седьмого номера.

Развязка приближалась, но юноша, сжимая в руках бамбуковую флейту, не шелохнулся. Люк оглянулся на него с явной тревогой. Чэньша едва заметно кивнул ему, давая понять, что остается на месте.

Кто бы ни стоял за нападением и кто бы ни был его мишенью, Чэньша преследовал лишь одну цель — защитить Сяо Яня. Пусть теперь тот звался Ванъе Хуайюем, принцем Чжаньхай, он был как две капли воды похож на его покойного брата. Хуайюй привез с собой немало стражи, но по этикету безопасность гостей обеспечивала принимающая сторона. Сам принц, в отличие от Цинь Фэна или Фэн Яна, не владел боевыми искусствами и был совершенно беззащитен перед ударом в спину. Чэньша понимал, что его собственных сил может не хватить, но он не мог допустить, чтобы этот юноша пострадал.

Ему было неважно, как принц относится к нему и почему он так похож на брата. Это он выяснит позже. Сегодня главное — жизнь Хуайюя.

Седьмым номером значилось укрощение зверей. Дрессировщик из страны Сулоу взмахнул бичом, и могучий белый тигр, ростом почти в человеческое плечо, послушным котенком вышел на середину сцены, склонив голову под ладонь хозяина. Звери обычно боятся огня, но стоило дрессировщику щелкнуть пальцами, а его помощнику пробормотать заклинание, как в воздухе вспыхнули огненные кольца. Тигр, помедлив, рванулся сквозь пламя.

В этот миг инстинкты убийцы, дремавшие в теле Чэньша, заставили его сердце болезненно сжаться. Пальцы до белизны вцепились в флейту. Послышался рев пламени, и огненные кольца внезапно распались на десятки болидов, которые огненным дождем рухнули на первые ряды. Но в искусстве огня никто не мог превзойти правящий дом Цанъянь. Дуань Чэнье даже не шевельнулся — шары пламени замерли перед ним, а затем, повинувшись его воле, устремились обратно. Раздались крики: дрессировщик и его помощник мгновенно превратились в живые факелы.

Лишившись хозяина, тигр обезумел. Громовой рык потряс площадь, черная отметина «ван» на его лбу казалась теперь печатью самой смерти. Острые когти с хрустом проламывали доски сцены. Зверь вздыбил шерсть и, выбрав ближайшую цель, в яростном прыжке бросился на императора и его гостей.

Фэн Ян молниеносно выхватил меч у стоявшего слева стража. Трехфутовый клинок внезапно удлинился на сажень, превратившись в сияющее лезвие сжатого воздуха. Одним взмахом император рассек тигра надвое прямо в воздухе, а поднявшийся следом яростный вихрь в мгновение ока превратил останки зверя в кровавое месиво.

Ошметки плоти и брызги крови веером разлетелись в стороны. Первые ряды укрыл прозрачный купол воздушного щита, но на сцену и ряды позади него обрушился жуткий багряный дождь.

Увидев, что на него вот-вот хлынет кровь, люди в панике закричали.

«Это только начало...» — пронеслось в голове Чэньша. Реакция Дуань Чэнье и Фэн Яна исключала их причастность к заговору. Император Цанъянь не стал бы устраивать резню в собственном доме, а Фэн Ян, в чьей стране почитали Белого Тигра, никогда бы не принес священное животное в жертву, не имея на то веских причин.

Кто же тогда? Чэньша не двигался. Вокруг него в радиусе пяти саженей зазвенели, лопаясь, чайники, и вода из них образовала прозрачный щит, принявший на себя капли крови. Резкий звон заставил многих нырнуть под столы, а стражники мгновенно сомкнули щиты вокруг своих господ.

В первом ряду царил хаос. Цзян Хуайюй оцепенел от ужаса; Фэн Ян стоял с обнаженным мечом; Цинь Фэн отдавал резкие приказы охране. Лу Юйчэнь и Дуань Чэнье оставались на местах, но в руке Лу Юйчэня уже блестела сталь. Стена из тел гвардейцев отгородила их от мира, ожидая следующего удара.

Цвет волос Чэньша уже начал меняться, выдавая его магическое вмешательство. Лу Юйчэнь наконец обернулся и, увидев, что юноша не только не ушел, но и оказался в самом центре событий, с досадой покачал головой. Растолкнув стражу, он направился к нему.

— Молодой господин Чэнь, это опасно! Вернитесь под защиту гвардии! — крикнул Цинь Фэн.

— Благодарю, глава союза, я в силах постоять за себя, — не оборачиваясь, бросил Лу Юйчэнь.

И тут тишина взорвалась.

Несколько человек, еще секунду назад прятавшихся под столами среди обычных гостей, внезапно выпрямились и, подобно стрелам, выпущенным из лука, с разных сторон ударили по кольцу стражи. Один из убийц рванулся прямо на Лу Юйчэня, пробегая в паре шагов от Чэньша. Юноша, лишенный былой силы, даже не успел проследить за его движением. Силуэт Лу Юйчэня на миг смазался, а когда он вновь обрел четкость перед Чэньша, голова нападавшего уже взмыла в воздух, словно подброшенный мяч. Обезглавленное тело по инерции сделало еще несколько шагов и рухнуло в пыль.

Чэньша не раз видел смерть, но сейчас он сам удивился собственному спокойствию. Среди свиста клинков и криков раненых Лу Юйчэнь смотрел на него пронзительным взглядом, а юноша отвечал ему бесстрашным взором.

«Это не он», — мелькнула догадка. Чэньша попытался обойти Лу Юйчэня, чтобы прорваться вперед. Тот преградил ему путь рукой.

— Кого ты хочешь защитить? Принца Хуайюя? — Он вздохнул и, не дожидаясь ответа, добавил:
— Не нужно. Император Фэн Ян и Глава Цинь вполне...

— Ваше Величество! — Отчаянный крик прервал его. Оба резко обернулись к почетным местам. Гвардейцы так плотно сомкнули ряды, что рассмотреть что-либо было невозможно.

Сердце Чэньша ушло в пятки. Хотя кричали не о принце, он, растолкав стражников, бросился в гущу событий. Лу Юйчэнь, прикрывая его мечом, следовал по пятам.

Крик «Ваше Величество» относился сразу к обоим монархам. Протиснувшись сквозь стену щитов, Чэньша на миг замер, не веря своим глазам: алое одеяние императора Цанъянь потемнело от крови, а на белом шелке Фэн Яна расплывалось злобещее багряное пятно.

И тут до Чэньша дошло: император Дуань Чэнье — тот самый «господин Е», который пригласил его на чай у реки Циньцзян!

Даже императоры смертны. Фэн Ян, опираясь на меч, выхватил фарфоровый флакон и, разбив его о край стола, пальцами достал единственную черную пилюлю. Проглотив ее, он немного восстановил дыхание. Чтобы спасти Цзян Хуайюя, ему пришлось в последний миг ударом меча перерубить ножку его стула — принц повалился на землю, избежав удара, но сам Фэн Ян получил глубокую рану отравленным клинком.

Цзян Хуайюй, увидев кровь на своем спасителе, вскочил и бросился к нему.

— Ваше Величество... Ваше Величество!

Чэньша, воспользовавшись присутствием Лу Юйчэня, пробрался внутрь кольца. Он прижал ладонь к груди Фэн Яна, направляя энергию воды на исцеление раны. Это движение заставило всех на миг застыть в изумлении, но юноша не смотрел на них — его взгляд был прикован ко второму раненому.

Сегодня никто из монархов не должен был пострадать. Фэн Ян подставился под удар ради Хуайюя, а Дуань Чэнье, оттолкнув Цинь Фэна, решившего прикрыть его собой, сам принял сталь на грудь. Чэньша не знал подоплеки их отношений, но то, как император сжимал рукав Главы союза, и то, каким взглядом он на него смотрел, не имело ничего общего с отношениями господина и подданного.

Фэн Ян заметил, что Дуань Чэнье тоже ранен, но у него была лишь одна универсальная пилюля.

— Император отравлен ядом «Плывущий свет», — глухо произнес он. — Моя «Сотня закалок Неба и Земли» была последней. У него осталось не больше четверти часа. Быстрее, лекарей сюда!

Лицо Лу Юйчэня помрачнело. Свою пилюлю он в свое время отдал Чэньша, и сейчас у него не было средств для спасения.

Цинь Фэн держал Дуань Чэнье на руках. В его глазах смешались смятение и горечь. Глядя на то, как лицо императора становится землисто-серым, он на мгновение впал в оцепенение.

— Нужны «Сотня закалок Неба и Земли», «Священное лекарство» или «Утренняя тень», — напомнил Фэн Ян. — Последнее — прямой антидот.

«Утренняя тень»! Лицо Цинь Фэна исказилось.

— Сюкун! — крикнул он. — В поместье! Живо!

Сюкун, самый быстрый из четверки теней, сорвался с места прежде, чем Цинь Фэн закончил фразу. Поместье было недалеко, и через семь минут он уже был обратно с заветным флаконом. Он оказался куда эффективнее всей придворной медицины.

Дуань Чэнье слишком долго был под действием яда, и даже антидот не сразу вернул ему краски жизни. Императора унесли в его покои, и на площади воцарилась гнетущая тишина.

Цинь Фэн долго стоял неподвижно, не реагируя на слова окружающих. Чэньша, закончив помогать Фэн Яну, подошел к нему, пытаясь заговорить, но Глава союза словно лишился души.

Фэн Ян сидел в кресле, погруженный в раздумья, его взгляд был прикован к Чэньша. Он не сразу услышал, как к нему обращается Хуайюй.

— Ваше Величество... я... я... — принц запнулся.

— Пустяки, — бросил Фэн Ян. — Я с детства знаком с ядами, эта царапина меня не убьет. — Заметив, что принц до сих пор судорожно сжимает край его мантии, он впервые смягчился: — Вы мой гость, принц. Я воин, а вы — человек искусства. Мой долг — защищать вас. Я в порядке.

Хуайюй с трудом сдержал слезы.

— Ваш подвиг...

— Не стоит благодарности, — прервал его император, и в его глазах что-то хищно сверкнуло. Он перевел взор на Чэньша. — Это нападение напомнило мне о событиях двадцатилетней давности... Почему Фэй... почему он предал меня?

Хуайюй проследил за его взглядом и тихо произнес:

— Я могу помочь Вашему Величеству. Я выведу у него правду... Всё, до последнего слова.

Фэн Ян едва заметно усмехнулся. План сработал: он намеренно позволил слухам о «Великом Демоне» просочиться к нужным людям, чтобы спровоцировать атаку. Пришлось пожертвовать пилюлей и получить рану, но доверие принца Чжаньхай того стоило.

— Что ж... полагаюсь на тебя, принц. Я хочу услышать это лично.

Чэньша, не подозревая, что стал предметом торга, продолжал тревожиться за Цинь Фэна. Лу Юйчэнь, закончив разговор с Шэнь Пяньхуном, подошел к нему.

— Есть мысли? — спросил он.

— Заказчик не из числа присутствующих, — уверенно ответил Чэньша. — Удары были слишком жестокими, никакой игры. Яд действует не мгновенно — значит, целью была не только смерть, но и хаос. Нападавшие — элитные смертники. Противник силен и не боится бросить вызов сразу четырем державам. Лу Юйчэнь... откуда ты узнал о покушении?

— За «Великим Демоном» следят все, — признался Лу Юйчэнь. — Его организация «Возвращение домой» — лучшие ассасины в мире, их следы почти невозможно найти. Мне удалось узнать лишь время и место.

Услышав название «Возвращение домой», Цинь Фэн вздрогнул. Туман в его голове рассеялся, и фрагменты головоломки сложились в жуткую картину. Он наконец понял, за кем пришли на самом деле.

— Лю Ин... Лю Ин! — Это был он! Демону нужен был Лю Ин, его ближайший друг! Цинь Фэн хотел было отправить Сюкуна в поместье, чтобы спрятать лекаря, но в этот момент к нему, пошатываясь, выбежал окровавленный Лори.

Он рухнул на колени, и слова его прозвучали как погребальный звон:

— Глава... Молодой господин Лю Ин... его похитили...